

Глава 1

Лондон, 1819 год

Однажды вечером в лондонской таверне милостивая служанка загрустила при виде трех молодых респектабельных джентльменов (они все были хороши собой). Молодые люди заказали напитки, не обратив на прелести девушки ни малейшего внимания. Она вертелась поблизости в надежде попасться на глаза хотя бы одному из них. Особенно ее привлек красавец с золотыми волосами и пронзительными зелеными глазами — глазами, которые так много обещали. Хоть бы разок глянул на нее!

Дерек, чье имя она подслушала чуть позже, сразу поразил ее воображение, как только появился в дверях. Никогда она не видела мужчины прекраснее — во всяком случае, пока вслед за ним не вошел самый молодой из джентльменов.

Казалось, просто невозможно быть таким красивым. Впрочем, ее собственный опыт общения с молодыми людьми был насколько небогат, настолько и неудачен. С другой стороны, дьявольски зажигательные глаза этого юнца,

пожалуй, свидетельствовали о том, что в его нежные годы он уже умеет доставить женщине удовольствие. Будучи выше своих товарищей и шире в плечах, он приковывал женские взгляды еще и своими ясными глазами кобальтового цвета и волосами черными как ночь.

Третий джентльмен, скорее всего самый старший из них, был не так красив, как его товарищи, но, по правде говоря, он был не лишен привлекательности, однако оба приятеля совершенно затмевали его.

Девушка вздыхала снова и снова, ждала, надеялась, просто таяла у них на глазах, хотя и чувствовала, что сегодня ее ждет разочарование, так они были увлечены разговором.

Троица, по-видимому, привыкла к почти непристойным взглядам женщин в таких тавернах. И сейчас они не обращали внимания на полные любопытства взгляды служанки, но ход их разговора все-таки изменился.

— Как это ему удастся, Дерек? — удивился Перси, слегка глотая окончания слов. Он говорил об их молодом товарище, Джереми, двоюродном брате Дерекы. — Пьет наравне с нами, черт побери, стакан за стаканом и сидит трезвехонек.

Братья Мэлори с усмешкой переглянулись. Перси не знал, что Джереми прошел полный курс наук в шайке настоящих пиратов: он был обязан им своим умением пить, а о женщинах

знал все, что положено морскому разбойнику. Но в семье, а тем более в обществе это было известно немногим, впрочем, как и о том, что отец Джереми — Джеймс Мэлори, виконт Рэдинг, — был главарем этой шайки. В те времена он был известен как Ястреб. В круг посвященных никогда не будет входить Персиваль Олден, или Перси, как звали его друзья. Старина Перси не способен сохранить секрет, даже если речь идет о спасении его бессмертной души.

— Дядя Джеймс настаивает, чтобы вино Джереми всегда разбавляли водой. Разве ты не знаешь? — Дерек солгал не моргнув глазом. — Иначе его бы со мной не отпускали.

— Ох, черт, я и не предполагал. — Перси вздохнул с облегчением, больше не тревожась о том, что восемнадцатилетний неоперившийся юнец дает ему фору в таком мужском деле.

Перси было двадцать восемь лет, и он действительно был самым старшим в этой тесной компании. Он был абсолютно уверен, что должен во что бы то ни стало пить больше всех. Если честно, Дерек в свои двадцать пять в состоянии перепить его без особых усилий, а самое неприятное, что молодой Джереми, которому только восемнадцать, кажется, оставит их далеко позади. Как это прискорбно, когда твой отец — распутник, вернувшийся на стезю добродетели, — не только лично следит за тобой,

но и привлекает к этому всю свою семью, весь многочисленный клан Мэлори.

Впрочем, Дерек ни слова не говорит Джереми, когда тот исчезает поздно ночью под руку с какой-нибудь смазливой бабенкой, так что у юнца есть свои радости. Если хорошенько подумать, Перси не мог бы вспомнить ни единого вечера за весь год, когда под крылышком Дерекка Джереми не нашел бы себе готовую на все женщину, будь то в какой-нибудь таверне, публичном доме подороже или на великосветском рауте. Джереми сопутствовала дьявольская удача с прекрасным полом: и проститутки, и леди, и дамы всех возрастов не могли устоять перед очарованием младшего Мэлори. В этом отношении он настоящий сын своего отца Джеймса Мэлори, да и его дядя Энтони того же поля ягода. Скандалы вокруг романов двух братьев Мэлори в свое время принесли им громкую славу.

Дерек, единственный сын старшего брата Мэлори, несмотря на свою удачу с женщинами, благоразумен, ведет себя гораздо приличнее и не имеет охоты к публичным скандалам.

Раздумывая над этим, Перси подозвал служанку и начал что-то шептать ей на ухо. Кузены мгновенно догадались, в чем дело: он заказывает еще выпивку, однако тайком договаривается, чтобы Джереми не подливали больше воды.

Парни едва удержались от хохота. Заметив нахмуренные брови девицы, которая собиралась объявить Перси, что никакой воды она ни разу никому не подливала, Дерек кивнул служанке, перехватив ее взгляд, подмигнул, давая знать, что тут дело в шутке или каком-нибудь пари, и прося не раскрывать их секрета. Сообразительная девчонка мигом все поняла и с улыбкой убежала выполнять заказ.

Глава 2

В Лондоне в только что купленном роскошном особняке на Беркли-сквер Джорджина и Джеймс Мэлори решили отложить обсуждение приезда ее братьев по крайней мере до утра, так как вряд ли могли прийти к какому-нибудь соглашению. По правде говоря, в глубине души Джорджина понимала чувства своего мужа — в конце концов, они избили его и заперли в погребе. Самый сердитый, Уоррен, едва не повесил пирата Джеймса за то, что тот ограбил два судна пароходства Андерсонов. Но подлинной причиной было то, что Джеймс скомпрометировал Джорджину, да еще публично признался в этом на балу, где присутствовала добрая половина их родного города Бридж-порта.

Да, Уоррен был во многом виноват. Виноват в семейных распрях между мужем и ее

братьями. Но не Джеймсу бросать в него камень. Своими колкостями он раздувал пламя вражды, и без того полыхавшее между Мэлори и Андерсонами с самого первого дня. Кроме того, кинувшись за Мэлори в Англию, братья догнали Джеймса и Джорджину в Лондоне, быстро их поженили и только тогда обнаружили, что попались в ловушку, которую расставил им бывший пират: все их действия были только на руку новоиспеченному шурина.

Даже выдав замуж сестру, Андерсоны не оставляли разговоров о том, что неплохо бы повесить негодяя Мэлори.

К своему ужасу, Джорджина понимала и Уоррена: ее братья не могли не презирать бывшую метрополию. Даже до войны с Наполеоном блокада Европы англичанами стоила андерсоновскому «Скайларку» нескольких торговых линий. Многие суда пароходства были взяты королевским флотом на абордаж, что само по себе уже было вопиющим нарушением прав, да к тому же, желая пополнить свои ряды, англичане под предлогом поиска дезертиров насильно уводили с кораблей часть команды. В одной из таких стычек Уоррен заработал себе небольшой шрам на левой щеке. Да, ни один из ее братьев не любил британцев, а война еще больше все осложнила. Стоило ли удивляться, что они считали английского виконта Джеймса Мэлори, некогда известного лондонского по-

весу и бывшего пирата, отнюдь не подходящей парой для своей единственной сестры. Если бы она не любила мужа до беспамятства, они тут же забрали бы ее обратно домой.

Джеймс все это прекрасно знал и не питал никакой любви к своим дорогим родственникам. Но ни Джеймс, ни Джорджина и не собирались спорить по этому поводу сегодня, да еще в таком месте. Супруги научились не касаться столь деликатных материй в спальне. Нельзя сказать, что они никогда не выясняли отношений, время от времени яростные перепалки случались и здесь, равно как и в других комнатах, но в спальне они легче всего приходили к примирению.

Вот и сейчас они только что закончили отвлекаться, и, надо сказать, самым приятным образом; Джеймс все еще нежно обнимал жену, слегка покусывая и лаская ее руки и шею, что скорее всего означало, что они вот-вот вернуться к своему занятию. Джорджина находила весьма забавным, что и Джеймс, и Энтони, опытные столичные волокиты в прошлом, почти одновременно получили настоятельные рекомендации от докторов своих жен, которые были на последних сроках беременности, блюсти себя и воздерживаться. При этом они так успешно притворялись, что изо всех сил выполняют предписания докторов, что и друзья, и ближайшие родственники поверили. Даже Джереми

пытался утешать отца, рассуждая о том, что две недели — это не испытание для морского волка. Уж Джереми-то мог бы догадаться, что такие умельцы, как Джеймс и Энтони, найдут способ обойти советы и доставить себе и женам удовольствие.

Джеймс был страшно доволен этими играми, наслаждался своим положением, долго притворялся мучеником, пока не получил письмо из Америки и в притворстве отпала необходимость: его настроение настолько ухудшилось, что он немилосердно срывал его на своих домашних и несколько раз даже нагрубил Джорджине, но она уже давно научилась мстить ему в подобных случаях, не обращая на грубость никакого внимания, что доводило ее дорогого супруга до иступления.

Будь они прокляты, эти балы! Вот уж никогда бы на них не ходил, но женатый человек обязан считаться со своим положением! Старик (так они с Энтони называли своих старших братьев) настаивали, но он никуда не потащился бы им в угоду, тем более что при любых обстоятельствах прислушивался только к своему мнению, но вмешалась Джорджина, и ее слово оказалось решающим.

На балу он даже одно время наслаждался окружающим, пока слушал, как Тони хмыкал, что-то бормотал, присвистывал, втихомолку улюлюкал, провожая каждого петушка, ко-

торый вертелся около юбки его племянницы Эми, какой-нибудь пренебрежительной колкостью. Он особенно развеселился после того, как Тони сказал:

— Парень, этих я оставляю тебе. Пускай будет по-честному. Мне по гроб жизни хватило мучений с Реджи, особенно когда ее угораздило влюбиться в этого наглеца Идена. Она даже не дала мне с ним подраться как следует. Не стреляться же с ним теперь, когда они уже поженились!

У Джеймса были и другие причины не любить Идена, кроме его женитьбы на Реджи, но это уже другая история. Хитрая девчонка заявила, что она влюбилась в Николаса, ведь он так напоминает ей дорогих ее сердцу Энтони и Джеймса, что, однако, не улучшило их отношения к жениху, так как кто угодно, тем более похожий на них, был совершенно неподходящей парой для Реджи. Ни Джеймсу, ни Энтони не в чем было упрекнуть Ника: он действительно оказался идеальным мужем. Они не переносили его из принципа!

И вот теперь еще одна их племянница на очереди. Реджи потеряла обоих родителей, когда ей было только два года, поэтому Джеймс и Энтони по-отцовски заботились о ней, принимали деятельное участие в ее воспитании. Разумеется, о младшей дочери Эдварда было кому позаботиться, но у нее были такие уголь-

но-черные волосы и такие кобальтовые глаза Мэлори, что они с Реджи могли бы быть родными сестрами. И это сходство все решило. Оно сразу пробудило в Энтони отцовские инстинкты, хотя он и пытался все отрицать. А Джеймс с таким недовольством рассматривал толпу кавалеров Эми, что даже, кажется, стал иначе относиться к своим прежним мечтам о рождении дочери, такого же бесценного сокровища, как Джудит у Энтони и Рослин.

— Ты не спишь? — лениво поинтересовался Джеймс.

— Ни я, ни ребенок.

Услышав эти слова, он сел на постели и, расставив руки, обнял ее огромный живот, так что следующий толчок пришелся ему прямо в ладонь.

Глаза Джеймса встретились с глазами жены, и они улыбнулись друг другу.

Эта новая жизнь, это движение, загадочные толчки до глубины души волновали Джеймса, неизменно трогали и умиляли его.

— Этот был совсем слабенький, — прошептала Джорджина.

— Ну уж нет, вот увидишь, скоро он уже будет боксировать.

— Он? Я думала, ты хочешь девочку.

Джеймс хмыкнул:

— После сегодняшнего? Пусть о дочерях заботятся Тони и Эдди.

Джорджина улыбнулась, прекрасно понимая, в чем дело:

— Эми сегодня была восхитительна.

Муж опять хмыкнул и пробурчал:

— До сих пор в толк не возьму, как ей удалось обвести меня вокруг пальца. Причем все последнее время она вертелась тут больше, чем дома.

— Ты не мог не заметить, как она была хороша сегодня. Как ее дядя, ты, естественно, не обращал внимания на ее прелестные округлости. Тем более что Шарлотта одевала ее как ребенка, в платья с закрытым воротом, а сегодня в вечернем туалете она была как свежая роза.

Вдруг его зеленые глаза округлились от неожиданной мысли.

— Боже мой! Неужели Джереми, как и ты, заметил раньше всех остальных эту перемену? Неужели он поэтому так рвался ее повсюду сопровождать?

Джорджина весело расхохоталась, попытавшись шлепнуть мужа, правда, живот помешал ей.

— Ради Бога, Джеймс, ты просто невозможен. Вечно ты приписываешь Джереми эти порочные наклонности. Ему ведь только восемнадцать!

Джеймс лихо приподнял одну бровь — обычно это ей не нравилось, но сейчас показалось таким родным.

— Только восемнадцать! Моему сыну! По его привычкам этого не скажешь! Бездельнику можно дать все тридцать!

Она была согласна с тем, что, конечно, раздавшись в плечах и опередив на несколько дюймов своего отца, догнав дядю Энтони, Джереми выглядит старше своих ровесников. Говорить об этом вслух она не стала. Джеймса распирала гордость за своего первенца.

Вместо этого она заговорила о другом:

— Ну хорошо, ты не должен беспокоиться об Эми и Джереми. Я совершенно точно знаю, что они просто подружились, и немудрено: они ровесники.

— Уже через несколько недель ей самой будет восемнадцать.

— Я удивлена, почему Шарлотта не заставила ее подождать эти несколько недель.

— Не сомневаюсь, это штучки Эдди. Он слишком нежен с дочерьми, а напрасно, Эми нуждается в твердой руке.

Джорджина тоже позволила себе слегка приподнять одну бровь.

— Не хочешь ли ты сказать, что намерен пасти и эту племянницу?

— Ну уж нет, черт меня побери, — сухо возразил Джеймс, — разве тебе не известно, я больше по части мальчиков? Я не собираюсь волноваться о младшей дочери Эдди, скоро у меня будет возможность заняться собственным младшим сыном.

Джорджина сильно в этом сомневалась, ведь она слышала, насколько ревниво и серьезно

относился он к воспитанию Реджи. Говорят, однажды он, не желая ни с кем делить малютку, выкрал ее и несколько месяцев плавал с ней в дальних морях, еще в бытность свою пиратом. За это братья отлучили его от дома на несколько лет. Реджи была их любимой племянницей, скорее, дочерью, так, может быть, они — Джеймс и Энтони — оставят в покое Эми, у которой и отец, и мать находятся в добром здравии? Эдвард прекрасно управляется и с остальными четырьмя детьми. Хотя вряд ли уймутся эти два головореза, черт их побери. Что-то не очень похоже.

— Теперь, когда ты передумал иметь дочь, что же мы будем с ней делать, если она тем не менее появится?

Джеймс хитро улыбнулся, поцеловал ее в живот и беззаботно ответил:

— Я буду непременно добиваться того, что задумал. Не сомневайся.

Она и не думала сомневаться, и они еще повалялись в постели, пока он добивался, чего хотел на этот раз.

Глава 3

Всего в одном квартале от Беркли-сквер в доме своих родителей Эми Мэлори готовилась ко сну. Глядя в небольшое зеркало и расчесывая свои роскошные волосы, она видела,